

Зимняя Ведьма

Элейн Каннингем Глава восьмая: Запутанный моток

Через несколько дней после отъезда из Корвосы караван миновал деревню Харс у реки Сокол. Поселение было небольшим и не представляло особого интереса для Деклана, но он почувствовал облегчение от передышки. Он не привык ездить верхом больше пары часов за раз, поэтому три дня пути оставили его скованным и болезненным. Он был рад, что решил ехать налегке, и был уверен, что его лошадь чувствует то же самое. В его вьюке было всего два комплекта запасной одежды, пара толстых шерстяных одеял и оловянные кружка и тарелка. Кроме того, Деклан захватил с собой ранец Джаманга, который он отвоевал у Баши. Теперь в нем лежали книга карикатур, связка свежих пергаментов для набросков, небольшая пачка угольных палочек, блокнот для эскизов и небольшая книга заклинаний, которую он взял в Единороге.

Переправа каравана через реку, по две телеги за раз, заняла большую часть второй половины дня. Варисийцы использовали это время с пользой, торгуя корвосанскими товарами. По тому, что они стояли так близко к местным жителям и после этого перекуривали, Деклан догадался, что они продают флей-лист и, возможно, кору тилео. Он не знал, разрешены ли такие наркотики в Харсе, но на всякий случай решил держаться от торговцев подальше. Меньше всего ему нужен был повод для того, чтобы какой-нибудь жадный констебль конфисковал его кошелек в качестве штрафа.

Он вспомнил из забытого университетского курса, что Харс был основан картографом, и его наследие сохранилось в одном из лучших магазинов карт и фолиантов, которые Деклан когда-либо видел. Он выбрал оборудование, которое понадобится ему для работы: небольшую астролябию и секстант, чернила, перья, пергамент и непромокаемую сумку для их хранения. Давно пора было начать время от времени делать нечто большее, чем грубые наброски. Даже варисийцы, которые, как он подозревал, хранили свои карты на пергаменте памяти, заподозрят его уловку, когда пройдет достаточно времени.

Варисский караван шел до наступления сумерек, когда они разбили лагерь недалеко от города. Деклан начал понимать, что у него будет мало возможностей провести ночь в мягкой постели, поскольку варисийцы предпочитали свою независимость и свободу от налогов, пошлин и сборов городским удобствам. Несмотря на усталость, ввевшуюся в его кости, он бодрствовал достаточно долго, чтобы сделать несколько приблизительных расчетов по положению звезд. Без соответствующего оборудования он смог сделать лишь самые грубые приближения, и он решил исправить эту проблему как можно скорее.

Через два дня они добрались до Баслви́фа, шахтерского городка под крепостью на реке Сарвин в предгорьях гор Фенволл. Деклан испытал огромное облегчение, узнав, что они проведут несколько часов в деревне. Среди варисских и челишских людей Деклан заметил большую долю халфлингов, чем когда-либо. В отличие от тех немногих, что жили в Корвосе, эти халфлинги ходили с гордой походкой, свидетельствующей о том, что здесь, если не в других человеческих поселениях, они были равными партнерами в обществе. Деклану эта мысль понравилась. Такой город обещал безопасность и вереницу лавок, готовых к торгу.

"Тебе стоит купить меч". Голос Элласиф удивил его, ведь он не знал, что она последовала за ним из варисского лагеря.

"Ты следила за мной", - сказал он, обидевшись больше, чем собирался. С тех пор как Скайвинг прилетел к каравану, маленький дрейк отказывался с ним общаться. Деклану хотелось думать,

что дракон дуется просто из-за привкуса головы импа, но он заметил, что Скайвинг бросает на Элласифа неприязненные взгляды. Что же так не понравилось дрейку в ульфенской женщине? Невозможно было узнать, пока Скайвинг не решит поговорить с ним, но Деклан опасался ее.

"Моя работа - защищать тебя", - сказала Элласиф. "Кроме того, у меня редко бывает возможность ходить по магазинам".

"Ты не кажешься мне женщиной, которая..."

"Что?" Она оборвала его с язвительной улыбкой. "Женщиной, которая покупает вещи?"

"Я не это имел в виду", - сказал он, но отказался от дальнейших оправданий. У него было ощущение, что он сказал глупость, но он не знал, как это исправить. Элласиф отпустила его, посмотрев мимо его плеча. Он проследил за ее взглядом через витрину магазина в сторону лавки швеи на другой стороне улицы.

"Я сейчас приду", - сказала она. "Не пытайтесь меня потерять. Балев не поблагодарит меня, если тебя побьют эти сомнительного вида халфлинги".

Деклан тупо кивнул, не понимая, насмехается она над ним или флиртует с ним. Когда она ушла, он заплатил за покупку и последовал за ней через дорогу.

Элласиф стояла, любуясь неглубокой полкой с яркими шелковыми нитями, мотки каждого цвета лежали в отдельном отделении. Деклан никогда прежде не видел такого разнообразия, не то чтобы у него была привычка заглядывать в лавки швеи. Он удивился такому выбору в приграничном шахтерском городке, но полагал, что полезные ископаемые приносят маленькой общине относительно большое богатство, а где есть золото, там есть и торговцы любой роскоши.

Деклан заметил, что туника Элласиф, хотя и пыльная, украшена по подолу сложной вышивкой. В северные узелки были вплетены изящные зверушки: олени, лесные волки, ястребы, лисы, гуси и другие, которых он не мог разглядеть, не покрутив Элласиф вокруг себя. У него возник внезапный порыв взять ее за локти и сделать именно это, но он взвесил вероятность того, что она будет рада этому жесту, и вероятность того, что она ударит его по губам, и решил сдержать этот порыв.

Он понял, что она повернулась, чтобы посмотреть на его вышивку, и ей показалось, что он смотрит на ее бедра. Она изогнула бровь.

Он прочистил горло и указал на ее подол. "Красивая работа. Это ваша?"

Она рассмеялась, и он не мог понять, верит ли она, что он восхищался одеждой. "Я определенно не из тех женщин, которые занимаются подобным рукоделием. Я могу заштопать прореху или починить пуговицу, но не более того". Ее юмор угас, и она добавила: "Это сделала для меня моя сестра".

"У нее талант. Ты должна принести ей немного этих ниток".

На лице Элласифа промелькнуло тоскливое выражение. "Как-нибудь в другой раз".

"Семьи - сложная штука", - предложил Деклан, жалея, что прикоснулся к синяку. "У меня есть племянница. Вроде того".

Элласиф с интересом наклонила голову. Когда он замолчал, она вывела его за локоть из лавки, купила у пухлого халфлинга пару сладких лимонных элей и усадила на покосившуюся скамью под полотняным навесом. Там из него полилась история: Асмонд вызвал дьявола, могущественное существо, далеко превосходящее его умения, и потерял над ним контроль. Он намекнул, не объяснив толком, какую цену заплатила Исидора за его амбиции и высокомерие.

"Вот почему я не волшебник. Это был не первый изверг, которого вызвал мой брат. С каждым вызовом он менялся".

Элласиф нахмурился, и Деклан добавил: "Бес, с которым ты сражалась. Он напоминает мне некроманта, который мог его вызвать. Имея дело со злыми существами, вызывая духов - через некоторое время люди становятся такими же злыми".

"Ты не знаешь, о чем говоришь", - сказала Элласиф. Она резко встала и пошла прочь, виляя волчьим хвостом.

Деклан снова был ошеломлен. Возможно, он рассказал слишком много, но то, как она отреагировала, заставило его подумать, что он задел за живое. Он надеялся, что не разрушил то, что могло стать его первой дружбой за пределами Корвосы. Поддавшись порыву, он вернулся в лавку швеи, купил несколько небольших мотков ниток и положил завернутый пакет в сумку. Прежде чем вернуться к каравану, он послушался совета Элласиф и просмотрел клинки, предлагаемые местными кузнецами. В конце концов он выбрал один с выгравированным изображением летящего дракона. Это заставило его вспомнить о Скайвинге.

В последующие недели Деклан записывал путь каравана с помощью основных навыков, которым он научился у мастера Нореса. Он не мог сдержать порыва добавить искусный росчерк то тут, то там, добавив набросок Мелфеша и его огромного разводного моста, где странная маленькая деревушка стояла на причалах размером с крепостные башни и переправлялась через реку Йондабакари. Рядом с местом, указывающим на Ильсуриан, он нарисовал крошечного рыбака, поднимающего форель из реки Черепа, а страницу, на которой он подробно описывал лес Санос, он украсил капризными гномами, хотя ни одного из них он не увидел во время их путешествия. Возможно, это объяснялось тем, что варисийцы предусмотрительно оставляли ведра с козьим молоком и связки хлеба с пряностями по четырем углам своего лагеря каждую ночь, которую они проводили под пологом этого зачарованного леса.

Каждый день Элласиф находила Деклана и уговаривала его на очередную тренировочную схватку. Они изматывали его, особенно когда она заставляла его по утрам, и он пытался отговориться тем, что он платный клиент каравана, а не ее ученик. Элласиф ничего этого не слышала. После первой недели он перестал пытаться избегать ее, понимая, что бежать бессмысленно. Она неустанно твердила, что он должен уметь защищаться, если какой-нибудь дикий медведь проберется мимо нее и разможжит ему череп. Деклан сомневался, что это случится, отчасти потому, что за время пути каравана не произошло ничего более тревожного, чем пьяное оскорбление у костра, которое Гисанто уладил двумя быстрыми ударами по щекам обидчика.

К тому времени, как они достигли перевала между Железными пиками и северной грядой Малгорианских гор, практически каждый член каравана нашел предлог, чтобы склониться над плечом Деклана, пока он делал наброски. Поначалу он не замечал скрытых мотивов их комплиментов - "Какое прекрасное сходство с городом", говорил кто-нибудь, или "Этот гном - вылитый мой дядя Вледоск", - но со временем он уловил намек, и к тому времени, когда караван прошел севернее Вороньего болота, примерно на полпути их путешествия по Варисии,

Деклан зарисовал половину членов каравана.

Но не Элласиф. Дева щита не была замечена в кружках благодарности, которые время от времени собирались вокруг его альбома в предзакатные часы. Хотя Виланд Балев и несколько других старших членов каравана отказались от того, чтобы Деклан нарисовал их портреты, как он подозревал, по суеверным причинам, только Элласиф активно избегала его во время этих сеансов. Она должна была знать, чем он занимается. Он часто замечал, как она издали наблюдает за его рисунком. За неделю он нарисовал всех, кто просил портрет, но на этом спрос не закончился. Теперь он работал по описанию любимой собаки, которая убежала из дома, или по воспоминаниям покойной бабушки.

Поначалу похвала этих последних зарисовок льстила Деклану, но вскоре он начал подозревать, что варисийцы гораздо более сентиментальны, чем он предполагал. Слезы, струившиеся по лицу варисийской вдовы при виде лица ее покойного мужа, вызвали у Деклана явную неловкость. Когда она вцепилась в его рукав и благословила его за "волшебство", он изо всех сил старался не сорваться с места и не убежать. Было невозможно, чтобы он уловил нечто большее, чем общее сходство с человеком, которого он знал только по нескольким фразам описания вдовы. Однако, чтобы поверить ей, он нарисовал его в полном сходстве, вплоть до родинки у уголка глаза.

Возможно ли это? задался вопросом Деклан. Как бы он ни ненавидел думать об этом, нельзя было отрицать, что у него был загадочный талант к магическим иллюстрациям. Сначала анимационные карикатуры, потом бизнес с картами, которые он продал Баше, а теперь это необъяснимое явление. Он знал, что это должно быть как-то связано с его магическими занятиями, но он был волшебником, а не чародеем. Когда он произносил заклинание, то лишь потому, что изучил его арканские ингредиенты, тайные жесты и непонятные слоги, бессильные на языке тех, кто не постиг взаимосвязь между этими компонентами и неосознанной арифметикой невидимой формы заклинания, его неисчислимой формы. Деклан иногда считал это неуловимое качество душой заклинания, не имея лучшего термина.

Иногда Деклан задавался вопросом, не упустили ли все волшебники истории из виду простую, хотя и абсурдную мысль о том, что заклинания - это живые существа, жизнь которых короче, чем у бабочек. Например, говорили, что заклинания вызывают существ из других мест, но Деклан не мог не подозревать, что имп, порожденный заклинанием, не был вырван из Ада, а был воплощением самого заклинания.

Подобные рассуждения послужили причиной того, что Деклана отчислили из Теуманексуса.

В конце концов просьбы прекратились, и однажды ночью Деклан оказался свободен от обещаний нарисовать дом, в котором кто-то родился, или первую любовь, или пони, которого отец вырастил из жеребенка для своего первенца. Наконец-то он мог вернуться к тому, что якобы было его работой: составить карту пути варисийцев из Корвосы в Иррисен. Он закончил свои расчеты вскоре после того, как караван остановился на ночлег. Оставалось только нанести на карту маршрут между лагерем и рекой Черной Лампы.

По своей прихоти Деклан украсил бесплодные равнины тем, что ему показалось тотемом шоанти на вершине невысокого обелиска, смутно напоминавшего руины, которые он видел на иллюстрациях в томах по древней истории. Довольный результатом, он вернул свои художественные принадлежности в рюкзак и вышел за пределы лагеря. Он нашел удобное место, где можно было удобно расположиться и смотреть на приближающийся закат. Некоторое время он наблюдал, как Скайвинг парит на летнем ветерке, словно охотничий коршун, и наконец без предупреждения падает на незадачливую полевую мышь.

Оправившись от отвратительного вкуса головы импа, дракон вручил Деклану двойную порцию украденных драгоценностей. На скептический вопрос Деклана Скайвинг с уязвленной гордостью заявил, что ничего из этого не было похищено у гостей "Резвого Единорога". Благодарный, хотя и сомневающийся, что горсти драгоценностей хватит, чтобы заплатить астроному выкуп, Деклан спрятал маленькое сокровище в карман куртки. Не было смысла искушать варисийцев еще больше, чем он уже искушал.

После доставки выкупа Скайвинг стал нехарактерно одиноким, проводя большую часть времени на охоте или сидя на повозке каравана. Время от времени Деклан замечал, как маленький дрейк пристально смотрит на него, особенно когда он упражнялся в фехтовании с Элласиф. Он чувствовал, что Скайвинг рвет его к новому защитнику.

Улыбаясь, Деклан закрыл глаза, и - впервые за несколько дней, как он понял, - ему на ум пришел образ Сильваны.

Спасение Сильваны было причиной, по которой он покинул дом и отправился в это путешествие. Он почувствовал себя предателем, осознав, что она полностью вылетела из его головы. А Маджид Норес все еще нуждался в выкупе. И все же Деклан лежал на мягкой траве, не более заботясь о том, что варисийцы, с которыми он путешествовал, наконец-то дали ему вечерний отдых от рисования эскизов.

Какой герой из него получился.

Это должен был быть образ Сильваны, который он рисовал ночь за ночью. Он даже не заменил рисунок, который подарил ей в доме Маджида, а она была женщиной, которую он... что? Женщина, которую он любил? Теперь, когда прошло столько времени с тех пор, как он видел ее в последний раз, это слово казалось пугающим, слишком большим, чтобы выразить его настоящие чувства. Она ему нравилась, она ему явно нравилась. Он хотел, чтобы она любила его. Достаточно ли этого, чтобы послать его через полмира, чтобы спасти ее оттуда, куда, как он догадывался, ее увезли? Раздраженный такими абсурдными сомнениями, он выругался вслух.

"Прости", - сказал Элласиф сзади него. "Если ты хочешь побыть один..."

"Нет, нет", - сказал Деклан, поворачиваясь, чтобы сесть лицом к ней. "Я просто думал... ну, я не знаю, о чем я думал".

Элласиф обдумала это и села. "Возможно, тебе нужно отвлечься от всех этих мыслей. То есть, если у тебя остались страницы после того, как ты нарисовал всю компанию и всех их мертвых родственников".

"Ты хочешь, чтобы я нарисовал твой портрет", - сказал он, кивнув. Она просто ждала своей очереди.

"Нет", - сказала Элласиф. "Не мой. Портрет моей сестры".

"Ах", - сказал Деклан. Он надеялся, что это был несерьезный звук, но на самом деле он думал, когда же дева щита расскажет ему что-нибудь еще о своем прошлом. Он должен был признать, что избегал ее не только из-за стыда, что слишком много рассказал ей о своем, но и чтобы избежать ежедневной тренировки на мечях.

Он подошел к седельной сумке, чтобы достать бумагу и уголь. Когда он доставал их, книга с карикатурами, которую он взял у Баши, упала на землю. При падении она открылась. Он

поднял ее и посмотрел на нее, прежде чем спрятать.

Его взгляд вернулся к странице, и он озадаченно нахмурил брови. Это был не тот том, который он получил от Баши. Это была третья книга, которую он не видел с университетских времен.

Перед смертью Джаманг намекнул, что у него есть все три книги. Одна была оставлена Декланом в поместье астронома. Вторая попала в магазин Баши, и Деклан забрал ее вместе с предложением работы, для которой он не подходил, - но по стечению обстоятельств именно в том направлении, в котором он хотел двигаться. Деклан вспомнил, как нервничал Баша, особенно то, как его рука поднеслась к горлу, когда они обсуждали торговый караван.

Элласиф, похоже, была из тех, кто ведет большинство переговоров на острое меча. Кто еще мог положить книгу в его сумку, и почему она совершила такой неуклюжий обмен? Была ли какая-то причина, кроме ревности, которая заставила Скайвинга избегать ее?

Деклан огляделся, чтобы убедиться, что он остается в поле зрения варисийцев. Ему нужны были ответы, и если Элласиф не захочет их давать, он не знал, как она отреагирует. Впервые за многие годы он пожалел, что не приготовил мощное заклинание, чтобы защититься, если она нападет на него. Он вернулся к ней и показал ей книгу из своей сумки.

"Есть три книги, подобные этой", - сказал он. "Но эта не та, которую я оставил в своей сумке".

Он наблюдал за ее реакцией, но на ее лице не было и следа вины.

"До сих пор, - продолжал он, - третья не была учтена. Это ты убила Джаманга Киру?"

"Возможно", - сказал Элласиф.

"Что?" - сказал Деклан. "Разве ты не записываешь свои убийства?"

Он полушутит, но она снова пожала плечами.

"Мои враги не всегда представляются".

"Невысокий парень, худой, любит носить красный плащ", - сказал Деклан. "Хотел убить меня. Вызвал этого импа".

"Очень хорошо", - сказал Элласиф. "Да."

"Да, ты убила его?" спросил Деклан. "Почему?"

"Ты сам это сказал. Он хотел убить тебя".

"Но ты даже не знаешь меня..." Он вспомнил, что сказал ему Скайвинг перед тем, как они покинули Корвосу, и остановился. "Ты - плохой человек Скайвинга".

Элласиф понадобилось мгновение, чтобы понять, что дрейк назвал ее убийцей некроманта. "Это один из вариантов", - сказала она. "Конечно, человек, которого я убила, счел меня плохой. Но от его предполагаемой жертвы я бы ожидала чего-то более похожего на благодарность".

"Тогда почему ты не сказала мне об этом раньше?"

"Я не хотела отпугивать тебя от твоих поисков", - сказала она. "Ты все еще хочешь спасти свою прекрасную деву, не так ли?"

"Конечно, я... Как ты... Это не важно! Ты подговорила Башу отправить меня в Иррисен, не так ли? Ты шпионила за мной и манипулировала мной все это время. Я хочу знать, почему".

"Я не заставляла тебя делать ничего такого, чего бы ты не хотел", - сказала Элласиф. "Я только сделал это возможным".

"Я все еще хочу знать, почему".

"Это..." Элласиф запнулась. Она посмотрела в сторону заходящего солнца, которое теперь было лишь кусочком расплавленного золота над темно-синей линией западного горизонта. Скайвинг пронесся мимо них обоих, прокрутившись один раз вокруг варисийского лагеря, и опустился на насест, который он занял на вершине повозки. "Это сложно".

Что-то в этой фразе было знакомым, но Деклан не мог вспомнить почему. Он был слишком зол и растерян.

"Мне это не нравится", - сказал он. "Кто ты такая, чтобы решать, что мне делать?"

"Я не решала", - сказала она. "Я просто помогла".

"Я не просил тебя о помощи!"

"Ты, конечно, нуждался в ней", - сказала она.

"Я ничего о тебе не знаю", - сказал он. "Ты, кажется, знаешь обо мне все, но я не знаю, зачем ты это делаешь, и даже могу ли я тебе доверять".

"Это мудро", - сказала она. "Иногда обнаруживаешь, что даже людям, которых ты знал всю жизнь, нельзя доверять".

Что-то в ее тоне сменило гнев Деклана на любопытство, и он вспомнил, почему это сложное звучало так знакомо.

"Расскажи мне что-нибудь", - сказал он. "Что-нибудь о своей жизни. Что угодно".

Впервые за этот день выражение лица Элласиф потеряло свое гранитное спокойствие. На ее лице мелькнула эмоция, а затем исчезла вместе с последними лучами дневного света. "Давай вернемся в лагерь", - предложила она. "Я расскажу тебе о своей сестре".

Через час их животы были полны жареного кролика и репы в масле, а также варисского хлеба с травами, который подавали к каждой трапезе. Деклан подумал, как он сможет довольствоваться белыми буханками из перемолотого зерна, которыми когда-то наслаждался в Корвесе. Эти варисийцы находили способ оживить все аспекты своей жизни, особенно еду.

Элласиф рассматривала портрет своей сестры, наверное, в седьмой или восьмой раз. Она изумленно покачала головой. "Это она", - пробормотала она. "Это Лив".

Щитовая дева сказала ему только, что ее сестра очень похожа на нее, но на десять лет моложе и со светлыми волосами, прямыми и мягкими, как пух у олененка. Она упомянула цвет ее глаз, отсутствие веснушек, которыми было усеяно лицо Элласиф, но больше ничего. Вместо этого она рассказала Деклану о том, что чувствовала, когда впервые взяла на руки свою младшую сестренку, о страхе, что та пришла в злополучную ночь, и о том, что ее родители не дожили до того момента, когда ребенок подрастет хотя бы на час. Она рассказывала о том, что Лив

никогда не вписывалась в общество Белого Грача, не проявляя таланта воина и не проявляя интереса к играм, в которые играли другие молодые девушки. А потом, вскоре после того, как Лив достигла половой зрелости, она...

Элласиф больше ничего не сказала, но поразилась сходству.

"Как ты можешь так хорошо знать ее лицо?" - спросила она Деклана.

Он пожал плечами. "У меня есть нюх", - сказал он. "И ты очень хорошо ее описал".

Элласиф задумалась на мгновение, а затем уголок ее рта искривился в озорстве. "Кто-то описал для тебя женщину в твоей книжке?"

Деклан рисовал. Он надеялся, но не ожидал, что Элласиф не подглядывала за его похотливой иллюстрацией. Она объяснила путаницу, не назвав вора, которого нашла в его рюкзаке. Обычно он считал бы это веской причиной не доверять ее рассказу, но почему-то все равно поверил. То, что она решила защитить потенциального вора от дисциплины Балева, дало ему надежду, что она скорее герой, чем интриганка, как бы сильно она ни обманывала его до сих пор. Возможно, она действительно преследовала его интересы.

Он прочистил горло, надеясь, что она поймет намек и прекратит расспросы.

"Или ты нарисовал ее из жизни?" - продолжала она.

"Я просто придумал ее", - сказал он. "Маленькая шутка, чтобы позабавить моих друзей".

"Так ли это?" - спросила она. "Или мужчины Корвосы нуждаются в обучении тем приемам, которые ты изобразил?"

"Нет", - сказал он, немного более возмущенно, чем собирался. "Во всяком случае, я не нуждаюсь".

Элласиф рассмеялся. "Я рада это слышать", - сказала она. "Хотя я подозреваю, что среди каравана есть несколько молодых женщин, которых можно было бы убедить предложить тебе некоторые из этих... наставлений".

Деклан насмешливо хмыкнул. "Нет", - сказал он. "Они не в моем вкусе".

"Нет", - согласилась Элласиф. "Твой тип - это кухонные служанки, я думаю. Как ее зовут?"

"Сильвана", - сказал он. Произнесение этого имени вслух другой женщине, пусть даже маленькой крепкой щитовой девой, лишило его некоторого волшебства. Теперь, когда он подумал об этом, он был уверен, что не считал Элласиф красивой. Во всяком случае, не совсем. Более подходящим словом было бы "хорошенькая". Маленькое, сердцевидное лицо Элласиф, острый подбородок и нос, слегка вздернутый на кончике, напоминали пикси огромных размеров. Ее нельзя было назвать грациозной в женском смысле, но она демонстрировала целеустремленную экономность движений, которая ассоциировалась у него с тренированными бойцами.

"Я бы хотел посмотреть, как ты нарисуешь ее лицо", - сказала Элласиф.

Деклан заколебался, затем пожал плечами и взял в руки уголь. Он собирался заменить портрет, который подарил ей, на свой. Как и в первый раз, он набросал по памяти границы

лица Сильваны. Вот ее тонкие скулы, вот изящный подбородок. Два изгиба для каскада ее шелковистых волос, а затем пара слабых овалов, где должны быть глаза.

Это было неправильно, подумал он. Он изучил эти линии и понял, что они не передают лицо Сильваны. Он размазал их подушечкой пальца и начал снова, но вторая попытка оказалась хуже первой. Он не испытывал таких трудностей с запоминанием лица с тех пор, как в детстве рисовал на обратной стороне старой отцовской книги.

Он нахмурился и начеркал над неудачной попыткой. Он повернулся к чистой странице, но Элласиф положила руку на его руку, чтобы остановить его.

"Ты устал", - сказала она. "Лучше поспать, а завтра начать все сначала".

Деклан вынужден был согласиться. Больше всего на свете он хотел утром начать все с чистого листа.

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусты: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

Pathfinder Tales 02 - Зимняя Ведьма, Элейн Каннингем (2010)

Pathfinder Tales 02 - Winter Witch, Elaine Cunningham (2010)

<http://tl.rulate.ru/book/62477/1631254>